

ПОЕЗДКИ В ГЕРМАНИЮ В РАЗНЫЕ ГОДЫ 1989, 1996, 2000, 2002, 2011 год

С Германией человека по фамилии Гинзбург, безусловно, связывает многое. Хотя о баварских корнях, да и вообще о наличии городка Гюнцбург в Западной Германии и о его истории я узнал уже во вполне зрелом возрасте.

Первый осознанный практический интерес к ГДР у меня возник в школе, когда я обратил внимание на то, что для части класса, изучающей немецкий язык, организуется какая-то переписка с настоящими иностранцами (пионерами из Берлина!), а для нас, "англичан", верхом приобщения к загранице являлось чтение московской газеты "Moscow News" на английском языке.

Правда, уже тогда я искренне считал, что изучение немецкого языка - пустая трата времени и атавизм времен войны, когда вкладывались в изучение потенциального врага. Неповоротливость нашей системы образования, по инерции готовящей в немереном количестве германистов - единственное объяснение тому, что в современных школах немецкий язык по-прежнему держит устойчивое второе место по массовости. Почему никто не задумывается о том, что обучать детей языку, на котором официально говорят лишь в пяти странах - мягко говоря, расточительство? А если учесть, что в пятерку входят такие гиганты как Лихтенштейн и Люксембург, а также Австрия и Швейцария, где трудно найти человека, не владеющего английским, насаждение в школе немецкого языка в ущерб испанскому или французскому (о переориентации на китайский или арабский язык я уж не упоминаю) - это, в старой терминологии - "типичное вредительство"!

Тем не менее, еще в школе я столкнулся с тем, что повсеместно употребляемые лозунги "Дружба - Freundschaft!" и "Всегда мы вместе, всегда мы вместе: ГДР и Советский Союз!" таят в себе потенциальную возможность повидать хоть какую-то зарубежную страну.

Правда, в школе дальше вялой переписки у наших "немцев" дело не пошло. А вот в институте выяснилось, что наш МИСИ страшно дружит с веймарским Баухаус-университетом. Причем дружба зашла так далеко, что после третьего курса формируется группа из особо продвинутых отличников и активистов, которая едет на сколько-то недель на практику в ГДР! До поры, до времени мы к этому относились как к чисто теоретической морковке, абсолютно ни на что не рассчитывая. Как вдруг, в феврале, в разгар каникул после первого семестра у меня дома раздался телефонный звонок, извещающий, что я (вместе с несколькими соучениками с нашего факультета) включен в группу для поездки в Веймар. Все мы срочно должны подготовить какие-то там документы, фотографии и т.п.

Надо сказать, что в 1984 году все делалось несколько сложнее, чем сегодня. В частности, выяснилось, что невозможно связаться с одной девочкой из моей группы по той банальной причине, что у нее нет домашнего телефона. А вот ждать конца каникул почему-то было нельзя (срок подачи бумаг истекал ранее, хотя ехать пред-

стояло чуть ли не через полгода). Что делать? Легко догадаться, что сотовой связи тогда не существовало. У меня был какой-то ее домашний адрес, куда она недавно переехала, но записан он был весьма нечетко. Представить себе, что из-за такой ерунды человек лишится возможности побывать за рубежом, было невозможно. Коротче говоря, я еще с одним парнем рано утром отправился на поиски.

С тех самых пор я с особым чувством смотрю старый добрый фильм "Девушка без адреса": "Девчонку без адреса трудно найти, когда неизвестна прописка!". Началось с того, что никто толком не мог сказать, где в Москве находится записанная у меня улица. Приблизительно я знал, что это где-то в районе новостроек на юге города. Но, даже приехав в те места, мы не могли никак узнать, какой из многочисленных автобусов идет в нужную сторону. Справочные там отсутствовали, а местные прохожие сами были новоселами и ничего кроме своего собственного адреса пока не освоили. Кончилось тем, что я надел на местного постового, заявив, что он обязан знать, где какие улицы. Он, было, отнекивался, но (очевидно, я случайно попал в точку) потом отвел нас в какой-то их опорный пункт, где на подробной секретной карте (а что тогда было не секретным?) удалось идентифицировать маршрут до искомого места.

Улица оказалась большой и хорошей, но несколько односторонней. В буквальном смысле этого слова. По одной стороне шли дома, а по другой - замечательный густой заснеженный лес. Беда была в том, что записанный у меня номер дома (четный) приходился аккурат на лесную сторону.

Что делать? Мы сначала сунулись в ближайшие нечетные дома. Надо сказать, что "сунуться" было не так-то просто, потому что в этом районе в подъездах ввели новомодную новинку - кодовый замок. Спасало то, что население было, что называется, нашенское, и с готовностью делилось с нами тайной кода. Однако каждый раз это требовало определенных усилий. В соответствующих квартирах жили совсем чужие люди. Зато через какое-то время, жильцы с азартом стали предлагать нам все новые и новые варианты подбора подходящего адреса. Круг поиска расширялся до тех пор, пока один мужичок не придумал радикально иной подход: угадывать не похожий номер дома или квартиры, а поспрашивать: не знает ли кто нужные нам имя и фамилию. К сожалению, искомое сочетание на Руси более чем распространено. Поэтому уже ко второй половине дня мы перезнакомились с половиной жильцов района. Причем, по запрашиваемому нами имени нам выносили и грудного ребенка, и заводили знакомиться с древней старушкой.

Когда стемнело, и мы уже совсем обессилили от бесплодных попыток, мне пришла в голову прогрессивная идея (дело происходило перед очередными выборами). Надо найти агитпункт и по спискам избирателей отобрать нужную девушку! Ближайший агитпункт находился в очередном запертом на кодовый замок подъезде. Испытанным путем общения с местными жильцами мы проникли внутрь и с азартом запросили списки. Как холодный душ для нас прозвучало: "А вы кто такие? А знаете ли вы, что это секретные данные? На основании чего мы вам что-то будем предоставлять?". Видимо мы были уже настолько измотанные и злые, что, как сейчас помню, меня дернуло за язык вызвать местного начальника и заявить: "Мы, молодые избиратели, решили обратиться за помощью в местный агитпункт. Оказалось, что он заперт на кодовый замок, и проникнуть сюда нет никакой возможности.

Надеюсь, что в Окружной избирательной комиссии к нам отнесутся более внимательно!". Того, что произошло, буквально через полминуты, ни я, ни мой напарник никак не ожидали. Перед нами стоял накрытый стол с горячим чаем и пирожными, а тот самый человек, который только что рывкал на нас, уже тащил нам к столу амбарные книги с перечнем жильцов, невзирая ни на какую их секретность!

К нашему разочарованию нужного избирателя в списках не оказалось. Подавленные полученным результатом, уже в глубокой темноте мы разъехались по домам. Каково же было мое потрясение, когда, войдя домой, я услышал звонок, а в телефонной трубке голос той самой девушки: "Как дела? Что нового?". Оказалось, у них на улице два агитпункта и она приписана ко второму. Тем не менее, все кончилось благополучно и она, в конце концов, успешно посетила Веймар.

А вот для меня история с поиском осталась наиболее ярким воспоминанием. Потому что спустя несколько месяцев, уже перед самой поездкой я совершенно случайно узнал, что меня где-то в недрах партбюро благополучно вычеркнули. Очевидно, как раз из-за "немецкой" фамилии. Интересно, что заменили меня молодым человеком, который вплоть до мелочей (кроме фамилии) совпадал со мной по всем формальным параметрам (состав оценок, так называемая общественная комсомольская работа и т.д.). Он был довольно славный, но своеобразный малый. Например, по итогам поездки про него рассказывали, что он категорически (и на полном серьезе!) отказывался идти в Дрезденскую галерею. Мотивировка была самая что ни на есть обстоятельная: "Если я пойду в галерею, я затрачу дополнительные силы, а дополнительного питания мне никто не предоставит!".

Обижен на наш МИСИ я был очень сильно. Пожалуй, это было одно из самых неприятных столкновений с советской действительностью в моей жизни. Не по смыслу ограничения, а по его форме - неожиданности и циничности. К трудностям поступления в институт или на работу я был абсолютно морально готов и относился к ним спокойно прагматически. А здесь, в общем-то, на ерунде, пропущенный удар показался весьма болезненным. Однако теперь, задним числом, я понимаю: мне крупно повезло, что я не оказался в той группе. И дело не только в контингенте участников (на самом деле там были достаточно нормальные ребята), а в тех моральных и прочих обязательствах, которые на них "навесили", совершив столь весомое "благодеение". Уже потом, самостоятельно гуляя по Дрезденской галерее или по Веймару, я с удовольствием про себя повторял: "Как замечательно быть независимым!".

Хочу рассказать еще одну историю, так или иначе связанную с той пресловутой практикой в ГДР. На первом курсе в нашей группе старостой был назначен весьма деятельный молодой человек. Интересно, что старостой соседней группы стал его приятель, с которым они вместе учились в школе на Кубе, где работали их родители. Думаю, что именно по этому признаку (серьезные проверенные папы и хорошая комсомольская характеристика из загранучреждения) послужила основанием для выдвижения в "начальство". Наш староста был на удивление хорошим и активным организатором. Достаточно вспомнить, что в военных лагерях первую ночь в палатке спало только наше отделение. Откуда он ее смог достать, остается загадкой и по сей день. Однако он совершенно не умел ладить с людьми. Надо было сильно постараться, чтобы уже к концу первого курса так перессориться с нашими

девушками, чтобы его со скандалом сняли со старост и даже перевели в соседнюю группу под руководство кубинского приятеля! Единственный человек, с которым у него в группе сохранились не просто, а даже дружеские отношения - это я. Надо сказать, что с его другом, старостой соседней группы мы до сих пор общаемся и даже вместе (папы-молодцы!) выгуливали коляски с маленькими дочками в Сокольниках.

Так вот, узнав о поездке в ГДР, наш бывший староста резко активизировался. Учился он довольно средне и как примерному студенту попасть в состав группы ему никак не светило. Тогда он правдами и неправдами пробил себе место сопровождающего преподавателя (в помощь уже назначенному доценту с нашей кафедры). При этом он действительно полностью взял на себя всю серьезную работу по приему приехавшей в Москву немецкой делегации (тогда ведь все делалось по обмену).

Короче говоря, после поездки уже прошло достаточно времени, и настала пора защиты дипломов, точнее - последней сессии. Имея своеобразный характер, приятель совсем перестал учиться, так как никаких серьезных стимулов типа поездки в ГДР теперь перед ним не маячило. Я как мог ему помогал (и конспектами, и прочими объяснениями). Надо сказать, что в ответ он мне помогал ничуть не меньше (а в отдельных ситуациях я считаю, что и гораздо больше, за что я до сих пор ему искренне благодарен). Так или иначе, но выше тройки подниматься ему было лень. И все бы ничего, но к этому моменту приятель успел перессориться не только с нашими девицами, но и с преподавателями. Коса на камень нашла на самом последнем экзамене, когда преподаватель уперся и тройку не ставил категорически.

Дальше дело пустили по формальным рельсам. После третьей неудачи встает вопрос об отчислении. Надо сказать, что, несмотря на сложные отношения, соученики собрали собрание, где пытались защитить "двоечника", но заместитель заведующего кафедрой прямым текстом заявила, что выступающие должны сильно задуматься о предстоящей защите диплома. Правда, все это ерунда по сравнению с другим ее заявлением в деканате, куда защищать друга направился его формальный начальник - староста группы. А как раз накануне у него умерла мама. Так вот, после попытки убедить начальство, что "потерпевший", конечно, не отличник, но знает предмет ничуть не хуже многочисленных девочек, получивших свою тройку, староста получил в лицо следующее заявление: "Мы не должны ко всем относиться объективно. Вот, например, у тебя умерла мать и мы тебе поставили четверку, а так поставили бы три!". Я помню белое лицо, с которым он вышел из деканата после столь яркой и содержательной беседы. Попрекнуть смертью матери, при том, что он никогда не просил ни о каких оценках...

Однако этого начальству показалось мало. Поэтому в ход пошла политическая составляющая. Возможно, мы сами частично ее спровоцировали, так как в качестве защиты использовали следующий аргумент: "Нельзя говорить о том, что он такой отпетый и пять лет был полным разгильдяем. Ведь, например, после третьего курса его среди лучших отправили в ГДР". Тут же выволокли на свет того самого доцента-руководителя делегации, который "показал", что в ГДР наш приятель вел себя возмутительно. Например, в Трептов-парке он не поднялся на некий холм, откуда открывался новый вид на скульптуру советского воина-освободителя (как водится, выполненную нашим же, а не благодарным местным скульптором), сказав, что "От-

сюда великолепно видно". Серия подобных упреков подкреплялась еще одним "весомым аргументом". Когда немецкая делегация была в Москве, у одного из приехавших студентов украли кошелек. Это, конечно, скандал (все-таки, иностранец!). Пришлось обращаться в милицию, причем, в специальный отдел, да еще и с привлечением представителей Министерства иностранных дел, Занимался этим только наш активный приятель. Руководитель откровенно струхнул и самоустранился. Зато теперь он выдвинул гипотезу (!!!), что не исключено, что к краже имеет отношение тот, кто постоянно находился при делегации, ведь именно он мог знать, где именно пострадавший немец хранит деньги!

Когда я окончил институт и вышел на работу, многие спрашивали у меня, доволен ли я, не скучаю ли по институту, вольной студенческой жизни? При этом очень удивлялись тому, что вовсе не скучаю. Я же искренне наслаждался тем, что вырвался, наконец, из этого гадюшника!

Кончилось тем, что приятеля отчислили. С пятого курса за неуспеваемость - случай вопиющий и практически уникальный. Спрашивается, куда вы, преподаватели, смотрели пять лет и на кого тратили наши кровные народные деньги? Однако настоящая уникальность ситуации оказалась в том, что пострадавший не стал молчать, а добился приема лично у Министра образования, который прямо при нем позвонил в кабинет ректору МИСИ и спросил: "Что там у тебя происходит?". В итоге приятеля не просто восстановили (заново на пятый курс), но даже разрешили не посещать занятия!

Правда, и здесь не обошлось без казусов. У него закончилась отсрочка от армии. А без наличия высшего образования ему не присвоили офицерское звание. Соответственно, местный военкомат прислал повестку на срочную службу. В результате приятель переехал из дома и скитался по разным квартирам. Как следствие, надо было как-то зарабатывать на жизнь. Ситуация, когда ищет работу человек с незащищенным дипломом, встречается, и, как правило, кадровики на нее реагируют спокойно. Но в данном случае, они брали время на раздумье, после чего под тем или иным предлогом отказывали. Наконец, после очередной неудачной попытки, приятель попытался конфиденциально выяснить: в чем проблема? Сжалившийся кадровик объяснил: "Понимаете, у Вас ведь не просто нет диплома. У Вас не сдан экзамен по научному коммунизму! Вы, случайно, не политический!?"

В итоге все кончилось хорошо (правда, с потерей года). Ему безропотно поставили тройки по всем оставшимся предметам и отпустили на все четыре стороны. Через некоторое время он создал фирму вместе с тем самым бывшим своим старостой. Но вскоре ему стало тесно в этих рамках, и он куда-то уехал организовывать нечто более грандиозное и прибыльное. Связь с ним прервалась, хотя было известно, что он - финансовый директор весьма крупной нефтяной компании.

Новые сведения поступили, когда в газете появилась статья о зверском убийстве одной дамы - ведущего московского адвоката, одного из первых частных адвокатов России. И как бы вскользь было упомянуто, что не исключается версия, что на самом деле, покушение было не на нее, а на ее мужа - известного бизнесмена такого-то. Через год-два новая заметка рассказала о гибели крупного предпринимателя. И опять: в лифте, где его расстреляли, находился другой бизнесмен такой-то. Не исключено, что целью покушения был именно он. Спустя какое-то время была инфор-

мация о том, что наш приятель арестован за какие-то финансовые махинации на нефтяном рынке и находится в уфимском следственном изоляторе. А еще чуть позже, что он захвачен в заложники где-то в Чечне и, очевидно, убит. С тех пор мы уже ничего о нем не слышали...

Вот вам и первые мои ассоциации с ГДР. И это я еще там не побывал!

Однако прошло какое-то время. Меня, не без скрипа, но отпустили с работы в Венгрию. Прошел еще год, и железный занавес и вовсе затрещал. В газете объявили о грандиозной новинке: в ряде трансгентств открывается продажа путевок за границу! То есть не через работу и партбюро, а вот так, в свободном доступе! Можете себе представить, какой это вызвало ажиотаж в соответствующих московских кругах!

Я тоже загорелся, но, к счастью, не один, а вместе с приятелем. Причем, тот вознамерился поехать не только с женой, но и с мамой. Это тоже некоторая гримаса советского времени. Дело в том, что удовольствие было не из дешевых. Соответственно люди серьезно рассчитывали на приобретение в поездке дефицитных товаров. А обмен рублей был ограничен. Поэтому мама "в комплекте" - это дополнительный обменный фонд и дополнительные финансовые возможности.

Важнейшим конкурентным преимуществом моего приятеля в борьбе за путевки было то, что он как раз жил в доме, где находилась контора Мострансгентства. Очередь, которую там создали, была, наверное, самой длинной и суровой в моей жизни. Довольно быстро стало понятно, что путевок в сотни, если не в тысячи раз меньше, чем желающих. Единственный шанс - это организовать такой режим, чтобы остались самые стойкие. Поэтому народ отмечался ночами каждые 4 часа (прямо, как в армейском карауле). Причем, если твоя семья претендует на 2 путевки, то перекликаться надо именно вдвоем. Фактически, выдержать это могли только те, кто живут совсем рядом (мой приятель и я, поселившийся у него) или люди с машинами, которых тогда было не так много.

В научно-исследовательском институте, где я работал, на базе нашего отдела математического моделирования и вычислительной техники был создан вычислительный центр. Весь институт работал с 9:30 до 18:15. Но под лозунгом более эффективной загрузки вычислительных мощностей наш отдел получил право на две дополнительные смены: с 8:00 до 16:45 и с 14:30 до 23:15. В дни стояния в очереди за путевкой я (естественно, нелегально) осуществлял на практике "вековую мечту трудящегося ученого": приходил во вторую смену, а уходил в первую!

Помню, что во мне боролись два чувства: сострадания к себе и коллегам и осознание того, что если из очереди не будут исключаться слабые, то нам ровным счетом ничего не достанется. Самое смешное, что на последнюю перекличку в 5 утра последнего дня мы проспали. Я помню то чувство ужаса, которое овладело мной, когда я открыл глаза. Правда, проспали всего минут на 10, а опоздали и того меньше, и нас пожалели.

По новым временам партбюро мою кандидатуру уже не рассматривало, но какое-то разрешение на работе получить было необходимо. Помню, что началось все с того, что заместитель генерального директора мое заявление не подписал. Тогда к нему пошел начальник отдела, который, как он рассказывал, уверил замдиректора, что "я - наш человек". В точности как у Высоцкого: "Мол, кроме водки - ничего."

Проверенный наш товарищ!".

После всех этих приключений в самой ГДР было вовсе не так интересно. Берлин произвел впечатление серых замызганных Черемушек. Правда, грандиозно смотрелся мрачно-черный музейный остров с великолепными экспонатами. Чего стоит только один Вавилонский раздел! А Египетский! Я, например, никогда не понимал, почему Нефертити считается эталоном красоты. Ровно до того момента, пока не увидел ее бюст в подлиннике. Действительно потрясающе! В Пергамон-музее мне запомнилась сцена, когда мой приятель вдруг сделал грандиозный прыжок в сторону и притаился за колонной. Оказалось, что он поехал в ГДР, не оформив отпуск, воспользовавшись командировкой начальника, пришедшейся как раз на это время. Так вот, к его ужасу, аккурат среди античных скульптур он увидел до боли знакомый торс шефа. Оказалось, что у того командировка была именно в Берлин и ровно в одно и тоже время они направились навстречу прекрасному и друг другу. К счастью, начальник подчиненного не заметил, и дело обошлось легким испугом. Вот уж поистине мир тесен!

Нас вели два чувства. С одной стороны, это интерес к Западному Берлину. Мы даже специально поднимались на телевизионную башню на Александерплатц, чтобы хоть что-то разглядеть на той стороне. Кстати, именно в ресторане на смотровой площадке у нас были организованы завтраки и обеды. Так что панорамой Берлина мы могли любоваться регулярно. Но днем отличить Западный Берлин от Восточного не получалось. Поэтому мы решили подняться ночью, чтобы по огням рекламы почувствовать, где начинается таинственный капитализм. То ли башня была слишком высокая, то ли хваленая западная реклама была не такая яркая, но ничего такого увидеть нам так и не удалось. Помню, что ближе всего к капитализму получалось приблизиться у Бранденбургских ворот (так называемый пропускной пункт Check Point Charley). Естественно, не пройти через него, а просто поглазеть на часовых. Кстати, сбоку, уже по ту сторону стены просматривался купол знаменитого Рейхстага.

С другой стороны, СССР ушел в идеологической перестройке гораздо дальше ГДР. Рассказы о том, что Берлинская стена - величайшее достижение германского социализма или о том, что все западные немцы - нехорошие люди, так как думают исключительно о деньгах, уже тогда вызывали, по крайней мере, улыбку. Но про себя, потому что народ в нашей группе был вполне достойный (об этом чуть позже). В тоже время, слышал от немецких ребят, с которыми я заговорил по-английски и которые не подозревали, что я из Союза, пару весьма нелестных высказываний о советской военной части, расположенной неподалеку. Тогда же, в Потсдаме я впервые услышал, что единственным человеком, который открыто выступал против раздела Германии на ГДР и ФРГ, был Лаврентий Берия. Но при этом подчеркивалось, что решение о разделе было поистине очень мудрым и правильным.

Интересно, что Берлинскую стену сломали буквально через несколько месяцев после нашего отъезда.

После Берлина мы оказались в небольшом городке Гера. Особо там делать было нечего, и мы придумали съездить в свободный от экскурсий день в Лейпциг. Для этого мы накануне разыскали вокзал и даже с помощью русскоязычного экскурсовода поняли, как устроено расписание, и купили билеты.

И все бы ничего, но кто-то на нас стукнул. Нас вызвал руководитель группы, который сурово заявил, что виза у нас в Геру (!!!) и никаких Лейпцигов! Приятель с женой решили не рисковать, а я уперся. В конце концов, на чем я могу засыпаться? Только если случайно попаду в полицию. А чего мне попадать в полицию? Буду аккуратно переходить дорогу и ни во что не ввязываться и все!

И все бы ничего, но экономные немцы продали нам билеты в Лейпциг на одном бланке: количество пассажиров - 3 (мама приятеля изначально решила не ехать, так как дама она уже тогда была немолодая, а мероприятие предстояло достаточно непростое физически). Я сразу сказал, что, не зная немецкого, объяснить кассирше что я не просто хочу вернуть билеты, а вернуть только два, а один оставить, я не смогу. Приятель с супругой тоже понимали сложность подобной процедуры. Но не такова оказалась его мама! Пылая решительностью, она отважно отправилась со мной в пять утра на вокзал и, прорвавшись к кассе, грозно заявила: "Двое - швах!". Я был просто потрясен, что дама в окошке, даже ничего не уточнив, безропотно заменила один бланк на другой (с указанием одного пассажира) и вернула часть денег.

Надо сказать, что мама приятеля поражала потрясающей смелостью и коммуникабельностью. Владея идишем (все-таки, язык германской группы), она могла задать вопрос прохожему, как куда-то пройти. Но, будучи человеком немолодым, она плохо запоминала даваемые ей разъяснения. Естественно, она хотела для запоминания привлечь нас. Но мы немецкую речь идентифицировали плохо. Тогда она придумала, что в нужных местах она будет дергать сына за руку. Вышло совсем смешно: классическая система с запаздыванием. Пока она его дергала, и пока он спохватывался, немец в своей речи уходил куда-то вперед. В результате запоминались не ключевые названия, а какие-то артикли и глаголы. В конце концов, пришлось отказаться от подобной методики и искать англоязычных бургеров.

Но вернемся к Лейпцигу. Город ничем не порадовал кроме мерзкого дождя со снегом (было начало февраля). Однако представление о центре и о месте проведения знаменитой ярмарки я получил. Правда, я нашел там очень неплохой магазин русской книги (в том числе и издаваемой в ГДР).

До сих пор я вспоминаю, как купил там своеобразное издание дефицитнейшего тогда "Волшебника Изумрудного города" с плохими иллюстрациями и великолепным предисловием. Оказывается, Фрэнк Баум (автор "Волшебника страны Оз", то есть той книги, которую перевел Волков) хотел в популярной форме разъяснить... теорию познания Канта ("вещь в себе" и "вещь для себя"). Идея Канта в том, что каждая вещь имеет свои истинные свойства, но воспринимаем мы их через свои чувства (то есть искаженно). Мудрый Страшила переживает, что у него нет мозгов, добрый Железный дровосек страдает от отсутствия любящего сердца и т.д. Образ города, становящегося Изумрудным, если надеть зеленые очки, - это просто прямая цитата из Канта. Есть там и объяснение, почему страна Оз. Дело в том, что Баум прочел первый вариант книги своему сыну, сидя в библиотеке. Задумавшись, что ответить сыну о том, где же все это происходит, он увидел перед собой предметный ящик от O до Z. Отсюда и ставшее знаменитым название.

В общем, нагрузившись книгами и вооружившись знаниями, я отправился обратно на вокзал. К сожалению, обратно в Геру шли только пассажирские поезда. Если с утра мне надо было выйти где-то на третьей-четвертой остановке, то обратно

состав останавливался как пес, буквально у каждого столба. В какой-то момент я понял, что засыплюсь я не на том, что попаду в полицию, а на том, что элементарно проеду Геру, которая была какой-то промежуточной, а не конечной станцией. В славящейся своей чистотой Германии окна вагонов были настолько заляпаны грязью, что любые попытки узнать за окном черты нужного мне вокзала, были обречены на заведомую неудачу. Общий вагон (типа нашей электрички) был заполнен классическими немецкими крестьянами с гусями в корзинках. Само по себе это весьма мило и пасторально, но, к сожалению, мало предполагает англоязычный контингент. К счастью, с большим трудом мне удалось отыскать возвращающуюся домой студентку, хоть немного говорящую по-английски и показавшую мне мою остановку. Радость от лицезрения вокзала Геры, когда я вышел на перрон, значительно превышала удовольствие от видов Лейпцига.

К счастью, бдительные одноклассники меня не спохватились. Надо сказать, что перемещения нашей компании вызывали у них неподдельный интерес. Дело в том, что, несмотря на семейный подряд приятеля (всей семьей за покупками), в их части коллектива было не все так благополучно. Мама и жена приятеля общения откровенно избегали. В результате перемещались мы парами: приятель с мамой и я с его женой. Особо любопытные пытались выследить, как мы распределяемся по номерам на ночь. Было очень забавно. Отдельных граждан мы иногда даже специально провоцировали. Финалом-апофеозом явилось прощальное расставание в Москве, когда на глазах у изумленной публики приятель сел в такси с мамой, чтобы проводить ее до дома, а я с его женой поехал в другой машине, так как нам было в одну сторону.

Напомню, что важной составляющей нашей поездки являлась закупка дефицита. Как раз перед нашим приездом немцы ввели какие-то дополнительные ограничения на сумму вывозимых товаров, что придавало посещению магазинов особый дополнительный привкус. Я, честно говоря, в очередной раз был разочарован. Если из Венгрии я напривозил кучу всего, то здесь я большую часть своих марок отдал приятелю. Он же весь семейный (и мой) капитал вложил в покупку шубы (кажется, норковой). Стоила она намного дороже разрешенного минимума, поэтому на границе мама ее надела на себя. Забавно, но я, который шел через таможеню непосредственно за ней, видел, как улыбаются и перемигиваются у нее за спиной немецкие блюститители порядка, безошибочно распознавшие ненадеванное местное изделие, но пожалевшие "пожилую фрау".

Невзирая на скептическое отношение к ГДР, справедливости ради необходимо рассказать о походе в ресторан в Гере (праздновали день рождения приятельницы). Началось с того, что при заказе столика немцы меня ошарашили тем, что попросили записать заказ на мою фамилию, потому что "она простая". Впервые я столкнулся с тем, что из всех вариантов самым простым оказался "Гинзбург". Но дальше оказалось еще интереснее. Цены были столь смехотворны, что в какой-то момент мы запаниковали, а не в марках ли это ФРГ? А вот уровень обслуживания и меню... Пожалуй, это был один из самых лучших ресторанов, которые мне довелось когда-либо посещать. Меню - это целый фолиант, к счастью, содержащий текст и на русском. Потому что по-английски четко идентифицировать такие перлы кулинарной мысли как "Суп из кенгуриных хвостов с перепелиными яйцами и сыром честер",

"Оленина в соусе из можжевельника с клецками по-тюрингски", "Косулятина с ананасами" и т.д. и т.п., включая разнообразные "Шоколадные парфе", невозможно. Как шутил один мой знакомый: "Ты не перепутай: чьи хвосты, а чьи яйца". При этом надо все-таки помнить, что приехали мы из Москвы образца 1989 года. А высочайший класс обслуживания! Девочка-официантка до мельчайших тонкостей отслеживала этикет подачи вина (показ бутылки, дегустация, первый глоток заказывавшего, проба дамы, гостя; появление откуда-то из-под земли именно в тот самый момент, когда в бокале вино только начинает заканчиваться). Все блюда готовятся и сервируются прямо при тебе - на соседнем столике. Короче говоря, оду этому ресторану можно петь бесконечно. Пожалуй, это самое яркое положительное впечатление от Германии за все мои приезды туда.

Дальнейшие посещения Германии были уже во времена объединенной ФРГ. В основном это были транзиты в другие страны. Недаром Германия - это центр Европы, миновать который при моих любимых автобусных поездках практически невозможно.

По дороге в Лондон и обратно мы в очередной раз заезжали в Берлин и в небольшой, но симпатичный городок в районе Ганновера - Хильдесхайм. Не было счастья, да несчастье помогло. В гостинице Хильдесхайма не оказалось нужного количества мест и часть группы, к которой относились и мы, договорились отвезти в другое место. Дело было уже ночью, и запомнился только горный серпантин, по которому в кромешной тьме (к неподдельному ужасу пассажиров, видевших только промельки пропастей в свете фар) петлял наш автобус. Через пару часов нас где-то выгрузили, и мы, ничего не подозревая, разошлись по номерам гостиницы. А вот утром выяснилось, что местечко Гослар, где мы остановились, - это ближайшее селение к горе Брокен (Лысой), где традиционно устраивается шабаш всех европейских ведьм (о чем свидетельствовали многочисленные картинки, скульптурки и флюгеры на домах). Удивительно симпатично!

В другой раз, по дороге в Швейцарию мы побывали в Мюнхене и Дрездене. Конечно, многое зависит от экскурсовода, но объективно Мюнхен гораздо живее и симпатичнее. И дело, наверное, не только в том, что это ФРГ, а Дрезден - ГДР. Дрезден несопоставимо сильнее пострадал во время войны. Соответственно, восстанавливается он не в былом имперском величии, а в современной, достаточно типовой (а во времена ГДР и вовсе убогой) архитектуре. Запомнился центр и знаменитая галерея, в которой почему-то не делался культ из знаменитых экспонатов ("Сикстинская мадонна", "Шоколадница" Лиотара и др.).

А вот в Мюнхене в Пинакотеку я не попал ни в этот приезд, ни в следующий (по дороге в Испанию и Португалию). Все-таки, транзитный проезд есть транзитный проезд. Еще я очень хотел увидеть коллекцию потрясающего скульптора-авангардиста Вадима Сидура. К сожалению, экскурсовод о таком не знал и где в Мюнхене находится университет, владеющий этой коллекцией, объяснить не мог. В Москве есть неплохой музей Сидура, но считается, что в Германии и США (в Принстоне) работ еще больше.

Удивительно, что оба раза я слушал одного и того же экскурсовода. Парень очень хорошо и живо рассказывал о городе, включая и такие сложные темы как нацистское наследие (дом Гитлера, знаменитые пивные и т.д.). Во второй приезд

было гораздо меньше времени, и я с огорчением отмечал, как он профессионально "комкает" рассказ.

Еще в Мюнхене запомнилось, что здесь даже в Макдональдсе разрешено пиво (во всем мире строго соблюдают безалкогольный характер этих заведений). Ну и, конечно, знаменитая свиная рулька, которую одному человеку одолеть можно только после весьма длительного пищевого воздержания.

Если на пути в Швейцарию лежал Дрезден, то на пути в Испанию - Нюрнберг. Как ни странно, залы Международного трибунала нам не показывали, зато водили по старому городу, где в свое время жил и работал Альбрехт Дюрер. Причем, акцент делается не на его портретах и гравюрах, а на почему-то приглянувшихся художнику толстых зайцах, чьи изображения весьма растиражированы в городе.

Надо сказать, что сохранившиеся после войны неразрушенные германские города производят очень приятное впечатление. Такая настоящая старая добрая Европа. Даже дешевые фахверковые дома, каких много в Нюрнберге, смотрятся по сегодняшним меркам более чем добротно и солидно.

Поездки по стране на автобусе подразумевают более детальное знакомство и с жизнью, и с историей государства. И за счет того, что больше видишь, чем из иллюминатора самолета, и за счет того, что имеется гораздо больше времени, чтобы окунуться в повседневную реальность глубинки (как известно, столица - это не страна!). От автобусных поездок по Германии запомнились рассказы о Людвиге II Баварском, о его взаимоотношениях с Вагнером и, конечно, его знаменитый сказочный замок Нойшванштайн (Новый лебединый утес). Между прочим, считается, что идею балета "Лебединое озеро" про немецкого принца Зигфрида Чайковский почерпнул именно здесь. Нам показывали местное Шванзее (Лебединое озеро), на котором, правда, не было ни одного лебедя (не повезло!).

Поездки по стране - это, конечно, дороги. Кстати, идеальные дороги в Германии - это очередной миф, возникший, я думаю, от рассказов обалдевших советских солдат, попавших в Европу сразу после российского бездорожья. На самом деле, в Германии классные инженерные решения, но достаточно среднее покрытие. При въезде в Голландию явственно начинаешь ощущать, как перестает трясти. Гитлер, активно продвигавший программу народного автомобиля (Фольксвагена), все-таки больше заботился не об удобствах бургеров, знакомящихся с великим Фатерландом из окна общедоступной машины, а о быстрой переброске военной техники на восток. Поэтому до сих пор хорошо видно, насколько отличается дорожная сеть (по густоте и качеству), идущая к границе (восток-запад) и идущая вдоль границы (север-юг). Говоря военным языком, рокады (дороги, идущие параллельно линии фронта) в Германии зачастую даже не асфальт, а обычная бетонка. А вот знаменитые автобаны - это те трассы, которые прокладывались в сторону Польши и Белоруссии для организации эффективных марш-бросков в рамках блиц-крига.

После того, как я перестал кататься по Европе на автобусе, Германия волею неволей оказалась в стороне от моих маршрутов. И вот, спустя почти 10 лет, совершенно неожиданно получилось попасть в тот самый Веймар, в который меня не пустили в советские времена.

Местный Баухаус-университет организовал международную конференцию, а меня, как "большого ученого" пригласили выступить экспертом при отборе докла-

дов. Этим воспользовался мой приятель-коллега по строительному университету, который хотел туда поехать и даже имел для этого деньги. Дело в том, что в научном центре, который он возглавляет, выполнялся ряд договоров, финансируемых из бюджета. По нашим внутренним правилам 25% выручки по таким договорам удерживается в университетском фонде развития науки. Правда, все преподносится так, что это не дополнительное удержание, а, наоборот: из удержанных в обязательном порядке средств на накладные расходы дается возможность стимулировать научные исследования. Тратить из фонда можно не на зарплату, а на развитие. В частности, на участие в международных конференциях. Звучит красиво, но на практике все неизрасходованные суммы остаются в распоряжении ректората. Поэтому потратить что-либо весьма проблематично: "А что это даст в научном отношении?", "А как это вписывается в программу нашего развития как национального исследовательского университета?" и т.д.

Одно дело просить разрешение на командировку самому, а другое дело - организовать делегацию во главе с уважаемым профессором, экспертом, членом научного комитета конференции и прочая, прочая, прочая. В итоге нас отпустили, чем мы не преминули воспользоваться в корыстных целях, основное время посвятив не научным дебатам, а прогулкам по замечательной немецкой культурной столице.

Несмотря на то, что Веймар принадлежал ГДР, его довольно прилично восстановили и украсили. Удивительно, как городок в 60 тысяч жителей (по нашим меркам - вообще поселок городского типа) умудряется представлять собой серьезный культурный центр не только с обилием музеев, но и театром, университетом, консерваторией, дворцами и замками. Я уже не говорю про многочисленные памятники, уютные улицы, великолепные парки. Обилие памятников определяется обилием исторических персонажей, не просто побывавших, но и живших в Веймаре: от Баха и Листа до Кранаха и Ницше. У многих сохранились свои дома-музеи.

Особняком стоят Гете и Шиллер. Причем, как правило, именно парой. Порой это доходит до такого абсурда, что я даже стал называть их Бим и Бом. Конечно, они были знакомы и даже дружили, но Гете жил в Веймаре десятилетия, а Шиллер наезжал периодически. Да и умер он на 27 лет раньше Гете. Однако даже после смерти они остались неразлучны - их гробы установили рядышком в княжеской усыпальнице при... русской православной церкви (таково влияние на местную знать великой герцогини Саксен-Веймарской - княгини Марии Павловны Романовой). Кстати, церковь, построенная на специально привезенной русской земле, до сих пор действует. Она небольшая, но не пустующая. Правда, при нас туда ввалилась толпа не прихожан, а немецких школьников, приехавших на экскурсию по историческому кладбищу и в знаменитую усыпальницу, но, судя по дежурившим в церкви теткам и многочисленным русскоязычным объявлениям на стенах, жизнь там вовсе не замерла. Из объявлений мне запомнилось разъяснение правил зажжения свечей вечерами перед закрытием. Оказывается, Веймарский пожарный надзор (указывается конкретно: фрау такая-то) это дело резко ограничил. Поэтому местный отец Михаил установил специальный порядок вручения незажженных свечей дежурному, который должен обеспечить их исправное зажжение с самого утра. Интересно, что мой ровесник Михаил Рар пишет свою фамилию с твердым знаком. Любопытно, где и в какой семье он родился?

По кладбищу ходят экскурсанты, но поражает подозрительное отсутствие могил. На весьма приличной территории кое-где (буквально на расстоянии десятков метров друг от друга) разбросаны одинокие кресты. То ли могилы за эти годы пропали, то ли хоронили столь ограниченно. Но тогда непонятно, почему каким-то даже не квадратно-гнездовым, а просто совершенно хаотичным образом определяя место захоронения. Иногда даже теряется ощущение посещения кладбища, а возникает полное ощущение прогулки по великолепному парку.

В определенном смысле нам повезло. Обычно конференции устраивают в не-туристский сезон. Считается, что в начале ноября уже идут дожди и на улице холодно и мерзко. В нашем же случае стояло классическое позднее бабье лето, когда еще довольно тепло, а золотые и красные листья не успели облететь и остаются на деревьях. При этом туристов уже мало (фактически только немцы), хотя на 60 тысяч местного населения сюда приезжает более 2 миллионов человек в год. Трудно даже себе представить, что здесь творится летом!

Надо сказать, что самая шикарная из местных гостиниц (а мы себе позволили именно ее, так как непотраченные деньги все равно "погибнут" в фонде развития науки) называется Russischer Hof. Опять-таки, дань памяти русской княгине. Оформление отеля - это сплошь царские орлы, гербы и т.п. Поразили обычные гостиничные завтраки, входящие в стоимость номера. Помимо всего прочего, на шведском столе сервировалась и красная, и черная икра. Черная, по нынешним временам, конечно, не осетровая, а палтусовая, но не искусственная, а натуральная. Очевидно, это тоже дань русскому стилю. В одном из холлов все стены украшены портретами известных людей, побывавших в Веймаре. Надо сказать, что стены заполнены весьма плотно. В том числе и узнаваемыми русскими образами (от царей Петра, Александра и Николая Первых до Тургенева и Карамзина). Интересно, как был оформлен этот отель во времена ГДР?

Удивительно, что, несмотря на обилие вполне реальных гостей и горожан, в городе есть памятник и виртуальному персонажу, то есть человеку, в Веймаре никогда не бывавшему. И не только памятник, а еще и вполне приличная улица - улица Пушкина. Почему малоизвестный и почти нечитаемый иностранный поэт удостоился в Веймаре таких почестей - непонятно. Могла ли Мария Павловна лоббировать Пушкина - не знаю. А может быть, это организовали во времена ГДР?

Русский язык веймарцам, естественно, не знаком (хотя пару раз попадались русскоязычные продавцы в магазинах). Но и с английским в ряде мест оказалось так себе. Причем именно там, где он должен отскакивать от зубов. Когда я из Москвы заказывал номер в 5-звездочном отеле через Интернет, мне все время норовили ответить по-немецки. В какой-то момент пришлось даже привлечь читавшего в это время у нас в университете лекции немецкого профессора, чтобы он им достойно ответил. В ресторане тюрингской кухни (гусятина и разнообразная свинина с клецками и капустой, пиво и многочисленные сардельки-колбаски) не нашлось англоязычного меню. Да и хозяин объяснялся со мной больше жестами. Однако надо отдать должное: заведение было полно народу - немцы оказались не прочь отведать своей национальной еды, что весьма лестно характеризует повара. Но в целом английского для общения хватает. Как и везде, в Германии его признают в качестве основного языка межнационального общения. На конференции принципиально нет

никаких переводчиков, потому что считается, что английский знают все (рецензии на все доклады мне, как эксперту, пришлось давать тоже на английском; при этом один из пунктов, который надо было осветить, - это качество языка).

Но вернемся к веймарским достопримечательностям. Многие из них так или иначе связаны с Гете. Ему весьма благоволил местный Великий герцог Карл-Август (свекор Марии Павловны) Кстати, его мать, Анна-Амалия, была двоюродной сестрой российского императора (правда, практически не правившего) Ивана VI. Но на этом российские связи не заканчиваются. Карл-Август вступил генерал-лейтенантом на русскую службу с назначением шефом Киевского гренадерского полка и зачислением в Свиту Императора Александра I. После участия в многочисленных походах и награждения русскими орденами он был отпущен в свое герцогство, но до конца жизни "находился при русской армии без зачисления на службу".

Еще в 17 лет Карл-Август, путешествуя по Европе, познакомился с Гете. После чего они дружили более 50 лет. Интересно, что по законам герцогства гражданство в нем мог получить только человек, владеющий недвижимостью. Нарушить закон великий герцог не мог (!!!). Поэтому Гете из последних сбережений должен был купить крохотный домик у реки Ильм, чтобы переехать поближе к другу. Лишь после этого Карл-Август покупает для Гете приличный дом в центре, где писатель фактически и жил.

Сейчас в доме музей, где мы побывали, но ничего особо интересного не увидели. А вот вокруг так называемого летнего домика Гете на берегу Ильма - огромный парк (я бы назвал его - ухоженный лес), который, оказывается, проектировал лично Гете. На фоне бабьего лета - изумительно красивое место!

Вообще, складывается такое впечатление, что Гете больше увлекался не литературой, а... ботаникой. Парк-на-Ильме - вовсе не единственное его достижение на этом поприще. Чудаковатый поэт во время прогулок любил разбрасывать вокруг себя семена фиалок. Их так и прозвали: фиалки Гете.

Самый странный музей, который мы посетили в Веймаре, - это музей гинкго. Вначале мы решили, что это магазин сувениров. Но потом оказалось, что просто экспонаты на первом этаже продаются, а наиболее ценные (непродаваемые) - на втором этаже музея. Я сразу поймал себя на том, что где-то уже слышал это слово. Потом вспомнил: гинкго - это дерево, символ японского Киото. Причем же здесь Веймар? Оказывается, кто-то привез Гете то ли семена, то ли росток гинкго. И это ему так понравилось, что он решил вырастить дерево в немецком климате. Потратил Гете на эту забаву много лет. Ботаники, очевидно, его поймут, потому что гинкго - растение поистине уникальное. Исходя из каких-то ботанических заморочек, оно, несмотря на своеобразной формы листья, единственное на всей планете, не относится ни к листовым, ни к хвойным. В магазине-музее, да и во всем городе продается огромное количество значков, деревянных поделок, блокнотов, книг, магнитов в форме листочка гинкго. Я бы сказал, что это - основной веймарский сувенир. Любители литературы утешаются тем, что Гете тратил время не только на акклиматизацию капризного растения, но и написал посвященное ему стихотворение, считающееся одной из вершин его творчества.

Один из наиболее посещаемых музеев в Веймаре - библиотека Анны-Амалии (матери Карла-Августа). Ею много лет заведовал Гете. Интересна, скорее, архитек-

турная, а не библиографическая составляющая. По крайней мере, не для специалистов. А вот художественный музей в городском замке почему-то к первоочередным достопримечательностям не относится (как нам показалось). Хотя на самом деле там достаточно хорошая коллекция живописи (в первую очередь, конечно, местный художник Лукас Кранах Старший) и просто великолепное дворцовое убранство. Видимо, там неплохая акустика, потому что несколько комнат оборудованы как концертные залы. Кроме того, в музее проходила выставка музыкальных инструментов (в первую очередь, роялей). Музыки мы не слышали, но внешне инструменты весьма впечатляют.

С музыкой мы столкнулись на банкете, устроенном в честь участников конференции (эту часть мы, естественно, не пропустили!). Почему-то организаторы решили провести банкет не в Веймаре, а в соседнем (около 30 километров) Эрфурте. Сегодня именно Эрфурт - столица Тюрингии, а не Веймар. С одной стороны, для бешеной собаки сто верст - не крюк. С другой стороны, хотя бы немного удалось полюбоваться ночным центром города, который произвел весьма приятное впечатление. Сам банкет состоялся в так называемом Кайзер-зале - историческом месте, где бывали всякие знаменитости типа Наполеона. В огромном, весьма помпезном помещении (если я правильно понял - театральном) на месте партера накрыты столы. Огромные люстры пригашены, что создает интимный полумрак. Как я полагал, начало банкета ознаменуется вспыхнувшим светом. Ничуть не бывало! Просто немцы (как бы это помягче выразить?) весьма экономны. Не думаю, что они надеялись, что ученые в полумраке меньше себе наложат в тарелки, но свет решили не включать. Кстати, разнообразие блюд сильно уступало даже завтракам в нашем отеле, так что гастрономическая составляющая никак не украсила высокое научное собрание.

На наше счастье как раз в это время в Тюрингии отмечали 200-летие Листа. Поэтому между застольной беседой периодически вклинивалось выступление девушки-пианистки и парня-скрипача, которые совершенно виртуозно исполняли листовские концерты. Немного смущало, что на столь великолепной сцене паренек был в какой-то красной рубашончке с расстегнутым воротом. Но мастерство искупало даже подобную небрежность.

Если идея с иногородним банкетом была странноватой, то идея провести для участников однодневную экскурсию в не такой уж далекий Дрезден (180 километров) показалась весьма разумной. Однако выяснилось, что в организаторской душе боролись две половины: радушный хозяин, желающий показать свою страну, и строитель (конференция была посвящена виртуальной реальности в строительстве и строительном проектировании). Строитель победил.

Как высоким строительным гостям, нам решили продемонстрировать особо важные возводимые объекты. Начали с моста через Эльбу. Но не подумайте, что нас повели на строящийся мост и что-то показали. Организаторы остроумно сняли кафе с видом на мост. Правда, виднелся он вдалеке и в тумане, да и то лишь от входа в кафе. А внутри зал был вообще без окон. Так вот под закуску нам два с лишним часа рассказывали о тех сложностях, с которыми пришлось столкнуться строителям.

Оказывается, Дрезден претендовал на включение в список культурного наследия ЮНЕСКО. Соответственно и защитники культуры, и появляющиеся везде, где

пахнет деньгами, зеленые осаждали, в первую очередь, проектировщиков. Особенно досталось от "защитников" природы. Например, пришлось проводить расчеты длины тени, которая будет падать на воду с целью определить, не смутится ли местная рыба от такого надругательства. Далее потребовалось оценить влияние конфигурации сооружения на пролетающих мимо на зимовье птиц. Ну а больше всего мне понравилось требование провести исследование: будут ли садиться на предлагаемые для моста конструкции местные бабочки! После этого стоит ли удивляться, что довольно банальный мост через простую равнинную реку строится чуть ли не десяток лет. Кончилось все хорошо: ЮНЕСКО передумала вставлять Дрезден в свой список и все усилия пошли местной рыбе под хвост.

Рассказ, безусловно, любопытен, но стоило ли три часа ехать ради него на автобусе? Я, как уже рассказывал, в Дрездене бывал и раньше, а вот мой приятель, который рассчитывал успеть побывать в Дрезденской галерее просто был в бешенстве.

Наконец, началась вторая часть экскурсии. В то же кафе приехали представители другой строительной фирмы и деловито развернули чертежи. Надо было видеть лицо моего коллеги! К счастью, они быстро решили перейти к натурным демонстрациям и повезли нас в старый город, где относительно недавно завершилось восстановление огромной Фрауенкирхе.

Интересно, что во времена ГДР на этот проект не хватало денег. А вот при капитализме решились. Здание и интерьер воссозданы практически с нуля. Однако, в отличие от храма Христа Спасителя в Москве, все, что только нашлось уцелевшего, поставлено на свое место. Даже на фасаде видны отдельные темные вкрапления на общем светлом фоне (старые камни среди новых).

В обход огромной очереди внутрь здания нас провел лично главный менеджер проекта восстановления. В его рассказе интересны были как раз строительные и исследовательские подробности (что и как идентифицировали из уцелевших элементов конструкций, что и как укрепляли, монтировали и т.д.).

В итоге из-за всех этих мероприятий в Дрезденскую галерею мы, конечно, не попали, но по историческому центру спокойно погуляли. Видимо, для большого столичного города (Дрезден - столица Саксонии) понятие туристский сезон отсутствует. В отличие от Веймара, город просто напигован туристами, причем, в основном из России. Правда, у нас в это время выдались длинные выходные (три дня подряд). Возможно, именно поэтому народ ломанулся в Европу. И как всегда по проторенным тропам, минуя очаровательный, но лежащий несколько в стороне Веймар.

При всем очаровании, у многих Веймар ассоциируется с мрачным местом Бухенвальд, лежащим всего в 10 километрах от города. Мы туда не поехали, но я достал целый ряд местных русскоязычных брошюр, посвященных нацистскому прошлому. О Веймаре там говорится, что, к сожалению, ему приходилось выполнять функции столицы Тюрингии, что было сопряжено с репрессиями, сожжением на площадях книг и т.д. Видел я и фотографии из альбома "Фюрер в Веймаре". Но при этом в самом городе нет ни малейшего упоминания: "Это было здесь" (как это сделано, например, в Мюнхене). Единственное исключение - мемориальная доска на вокзале, посвященная тому, что отсюда отправляли заключенных в Бухенвальд. Кстати, в Бухенвальде действует не только выставка, посвященная периоду 1937-

1945 годов, но и отдельная послевоенная экспозиция. О ней стыдливо говорится, что во времена ГДР этот факт особо не афишировался, но с 1946 года в Бухенвальде был... советский концлагерь (зона для интернированных). По официальным данным после войны за пять лет там погибло более 7000 человек (против 56000 во времена Гитлера), но тоже немало.

В 1919 году в Веймаре Национальное учредительное собрание приняло новую конституцию страны, и период истории Германии с 1919 по 1933 год получил название Веймарская республика. Дело происходило в здании национального театра, где когда-то служил капельмейстером Лист. Десять с лишним лет спустя после провозглашения республики, здесь прошел съезд нацистской партии, лидеры которой не преминули сфотографироваться на фоне памятника Шиллеру и Гете перед театром. Позже Гитлер и Геббельс приезжали в Веймар для посещения архива Ницше. Но обо всем этом можно что-то найти в книгах. В самом городе никаких памятных или иных знаков нет.

Вообще же Веймар - это обилие памятников и городской скульптуры. При этом есть и старые, и современные, удивительно гармонично укрытые от исторических объектов. Общее впечатление от Веймара осталось замечательное.

Волей-неволей нам еще пришлось поехать по Германии. Я уже упоминал веймарского профессора, приехавшего к нам в университет читать лекции. Когда мы его спросили, как лучше добираться до Веймара, он уверенно сказал, что он летает через Берлин. Послушавшись его, мы не учли специфику бывшей разделенной страны. Веймар находился на самом западе ГДР. Сегодня удобнее (именно удобнее, а не ближе) ехать через Франкфурт-на-Майне, так как оттуда идут прямые поезда, а не с пересадками, как из Берлина. Но Франкфурт - это ФРГ. Понятно, что у веймарца нет привычки ездить на запад. А нам не пришло в голову перепроверять.

Честно говоря, было еще одно обстоятельство, подтолкнувшее нас лететь именно в Берлин. Дело в том, что мы с супругой и дочкой на школьные каникулы поехали в Вену. По хорошему, мне надо было бы добираться в Веймар из Вены. Но кто мне оплатит билеты не из Москвы? Поэтому мы прилетели в Москву, и тут же я должен был пересесть на самолет обратно. Прибыли мы в Шереметьево, а из Шереметьево можно лететь именно в Берлин. Во Франкфурт - только из Домодедово. То есть пришлось бы терять много времени на переезд в другой аэропорт.

Оплата командировочных расходов - это отдельная песня. Формально говоря, мне должны компенсировать стоимость всех междугородних переездов, проживание в гостинице, регистрационные сборы за участие в конференции. Кроме того, выдаются так называемые суточные, на которые я могу питаться, перемещаться по городу и т.п. Если суточные за границей - 60 долларов США в день - сумма вполне нормальная, то по России мне предлагается тратить в сутки... 100 рублей (3 доллара с копейками). На эти деньги в большинстве российских городов можно не поесть, а дать скромные чаевые официанту. Формально считается, что 100 рублей - это обязательный минимум, а каждая организация может его увеличивать по своему усмотрению. Наш университет глупостями не занимается, и народ катается в командировки фактически за свой счет (не считая билетов и гостиниц). Интересно, что при международных поездках, когда бы ты не возвращался, за последний день суточные составляют не 60 долларов, а 100 рублей. Таковы правила!

Все расходы я, естественно, должен подтвердить чеками, квитанциями, посадочными талонами и т.п. И все бы ничего, но в счете за регистрационные услуги пунктуальные немцы расписали банкет (хотя он включен в общий сбор и отдельная стоимость по нему не устанавливается), экскурсию и т.д. То есть, формально говоря, различные развлекательные забавы, которые наша бухгалтерия оплачивать не будет ни под каким видом (несмотря на то, что это деньги из моих же договоров!). Пришлось уговаривать немцев сделать для нас специальный счет, где все будет указано одной строкой. Организаторы нам клятвенно обещали переслать новый счет в Москву по электронной почте. Так он до сих пор и идет... Бухгалтерия, к счастью, удовлетворилась квитанцией о внесении платы.

Вообще уровень организации был высоченный. Достаточно сказать, что уважаемые хозяева забыли опубликовать доклад моего коллеги (а для нас это важнейшая позиция отчета о поездке!). О прочих ляпах лучше умолчать.

Короче говоря, самолет доставил нас в Берлин, а далее пришлось добираться поездами на перекладных. Правда, мы выкроили несколько часов погулять по столице. Сейчас город, конечно, сильно преобразился. Я впервые увидел вблизи отреставрированный Рейхстаг. Рассказывали, что наши в свое время очень сильно настаивали, чтобы восстановили знаменитые надписи советских солдат на стенах. Однако когда сняли соответствующий слой штукатурки, кому-то разумному пришла в голову мысль пригласить русскоязычного эксперта-филолога. Даже после самого поверхностного анализа была дана команда срочно всю эту срамоту замазать обратно! Так что сегодня ничего не напоминает о былом штурме и символе победы. Но здание, конечно, внушительное, как и вся германская имперская архитектура. На этом фоне современные здания Бундестага, расположенные неподалеку, смотрятся совсем ажурными и невесомыми.

Еще мы успели слегка перекусить на вокзале. К своему удовольствию я обнаружил, что в одном, весьма уважаемом мной качестве, немцы остались неизменны. Дело в том, что я большой почитатель пирожного, которое у нас принято называть "картошка". Известно оно и в мире, но под самыми разнообразными именами. В этом большая трудность, так как спрашивать в иностранной кондитерской "potato" - бессмысленно. Приходится постоянно угадывать (к сожалению, не всегда удачно). Так вот, лучшая в мире картошка - немецкая! Неплохие экземпляры попадались мне и в Париже, но немцы, не жалеющие для картошки алкоголь (наши на этой части классического рецепта вечно экономят), опять подтвердили, что первенство отдано им мной по праву. Помню в Хильдесхайме с пирожного (в Германии, как правило, его называют "Шоколадная бомба") даже не капало, а текло! Надо сказать, что я привык отличать хорошую кондитерскую от плохой именно по картошке. Так вот, знаменитые пирожники австрийцы по "картофельному критерию" не только не в лидерах, а, как говорится, даже в рейтинг-лист не попадают.

Но вернемся к поездкам. Интересно, что Берлин ни туда, ни обратно не был конечной станцией. Соответственно стоянка всего несколько минут, причем, с абсолютно российской неразберихой с платформами и нумерацией вагонов. Когда при покупке билетов нас инструктировали о том, что делать в случае опоздания на поезд из-за задержки предыдущего, мы удивлялись: неужели такое возможно в педантичной Германии? Оказалось еще как! Единственное отличие от России - это наличие

лифта - дублера лестницы для подъема на любую платформу. Тут нам, конечно, до них далеко. В остальном же - как дома. Даже конструкции вагонов одинаковые. Наши скоростные сидячие поезда "Сапсан" сделаны фирмой Siemens, являющейся основным поставщиком вагонов для железных дорог Германии. Только здесь они ходят с нормальной скоростью (на самом деле, скорость определяется не столько вагоном, сколько специально оборудованной колеей). Правда, почему-то, в местной модификации кабина поезда отгорожена не обычной, как у нас, а стеклянной перегородкой. Поэтому можно стоять буквально за спиной машиниста и следить за его работой, за бесконечными рельсами и набегающим пейзажем. Очень необычно!

В Австрии я возмущался, что всюду берем билеты, но ни одна собака их нигде не проверяет. Все друг другу доверяют! Точно как в старом анекдоте про Василия Ивановича, вернувшегося из Европы в шикарном костюме с дорогим чемоданом, полным денег. Встречавшему его на перроне Петьке Чапаев объяснил: сели мы играть в 21. Противник говорит: "Очко!". Я ему в ответ - покажи! Все кругом стали возмущаться: как же так, у нас все друг другу доверяют. Я, конечно, извинился. Тут мне карта и поперла!

Так вот в Германии, билеты проверяют везде, да еще как! Один раз мы не пробили в специальном автомате время посадки, что тут же было обнаружено контролером. К счастью, иностранцев он пожалел (все-таки, билеты у нас были). А вообще, штрафы в Германии очень солидные. Нам давали специальный совет: если у вас что-то не так, то сев в поезд лучше всего самому найти контролера и ему сдать. Это рассматривается как явка с повинной и дает серьезные льготы.

Интересно, что за возможность ехать на своем конкретном месте надо доплатить. Мы, на всякий случай, так и поступили. Но многие садятся на любое свободное. Если я попрошу пересесть, человек безропотно поднимется и уйдет. Система странноватая, но работает.

О чистоте и уюте в вагонах можно говорить только с известной натяжкой. Конечно, это не бичевозы, но и не класс люкс.

На обратном пути из Веймара в Берлин мы пошли позавтракать в вагон-ресторан (из гостиницы мы вышли буквально в пять утра, когда все еще было закрыто). Я сижу за столиком, а приятель, пардон, отлучился в туалет. Его нет пять минут, нет десять. Я уже начинаю волноваться. Наконец, он появляется. Я, говорит, решил помыть руки. Не подумав, нажал на рычажок жидкого мыла и получил в ладони порцию пенящейся жидкости. И только тут выяснилось, что воды в кране нет. Все это время он, бедняга, пытался оттереться всеми подручными средствами. Наученный его опытом, я пошел в туалет в другом вагоне. Оказалось, воды нет во всем поезде!

Вообще, туалет - это лицо дома, учреждения, города, страны. В Германии меня искренне возмущало, что туалеты не просто платные, а платные там, где этого не должно быть в принципе - скажем, на вокзале. Причем, на вокзале цены особенно возмутительные (2 евро!). Утром в Веймаре мы увидели мужика, мочащегося прямо перед входом в вокзальный туалет. Первая реакция, конечно, отрицательная. Но когда выяснилось, что на входе стоит турникет-автомат с безобразным ценником, у нас возникло немедленное желание присоединиться к мужику в знак протеста! Только некоторая интеллигентность и, конечно, то, что мы недавно вышли из гости-

ницы, удержало нас от этого шага!

Ну, допустим, вокзалы, поезда - это особый мир. Вернемся в знаменитый Кайзер-зал Эрфурта. После банкета научная общественность движется, как мы любили говорить, по геодезической (геодезическая - это линия, соединяющая две точки не по кратчайшему маршруту - прямой - а по оптимальному, то есть учитывающему рельеф местности; ясно, что перед поездкой оптимальный маршрут ведет не прямо в автобус, а через туалет). Так вот, уникальный случай: в женском туалете свободно, а в мужском - дикая очередь. Понятно, что ученых мужей гораздо больше, чем дам, но не настолько, чтобы образовался такой хвост. Делать нечего: стоим. Наконец, доходим до поворота и видим: стена, оборудованная, наверно, десятком писсуаров, отгорожена праздничной ленточкой. Все сиротливо жмутся к парочке свободных точек напротив. Но вот она хваленая немецкая аккуратность: все отгороженные писсуары засорились одновременно и заполнены мочой строго на одном уровне! Я даже не удержался и сфотографировал настоящий немецкий порядок. Кстати, в умывальнике этого же туалета не работала сушилка и отсутствовала бумага. Напомню, что всемирно известный зал устраивал банкет для международной конференции, куда съехались ведущие ученые со всего мира!

Надо сказать, что в этой поездке я еще пару раз не удержался и пустил в действие фотоаппарат, находясь в туалете. Первый раз - это когда обнаружилось, что в номере отеля ванна и туалет отделены от собственно комнаты абсолютно прозрачной стеклянной перегородкой. Единственное препятствие любопытному взору (хотя номер был одноместный, но все равно странновато) - нанесенное на стекло матовое изображение российского двуглавого орла (напомню, что жили мы в Русском отеле). Второй раз - в музее мы обнаружили в туалете две запирающиеся кабинки. Я пошел в одну, где обнаружил стандартный унитаз. А из другой, куда направился, приятель, вдруг раздался здоровый смех. В его (напомню, запирающейся) кабинке оказалось два рядом установленных писсуара!

Уверен, что многие скажут, что меня, как всегда, больше интересуют туалеты, а не театры и музеи. Но на самом деле, важно и то, и другое. Повторюсь, лицо страны, все-таки, туалет, а не музей.

В общем, опять я скатился на анти-Германское брюзжание. Казалось бы, замечательная, красивая страна. Однако что-то в душе у меня к ней не лежит. При этом я совершенно не могу сформулировать: что именно. Совершенно точно, это никакого отношения не имеет к военному прошлому. Я искренне убежден, что Германия, пожалуй, единственное государство, принесшее искреннее покаяние, причем не только на уровне правительств и руководителей, а на уровне, что называется, широких масс населения. В этом смысле у меня гораздо больше претензий к Украине, Польше или Прибалтике. Думаю, что весь мой негатив, все-таки, из-за мрачности былого восприятия ГДР. Постепенно, будем надеяться, он исчезнет.

© Гинзбург А.В.
E-mail: ginav@ginzburgi.ru
www.ginzburgi.ru